

Трамвай

рассказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Позняк

Михаил Викторович Позняк

Трамвай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63125741

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта история произошла в далекие 90-е, когда мы все были еще молоды и видели мир совсем по-другому. Многие с тех пор ушли, многие забыли или предпочитают не вспоминать, но восстановить цепь этих странных событий мне все-таки удалось. Все герои имеют реальных прототипов, пусть жили они не совсем там, а звали их не совсем так, как в этом рассказе. Обложка создана из фотографии Константина Павловича Антипова, любезно предоставившего ее автору рассказа для обработки. Содержит нецензурную брань.

Содержание

01	5
02	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Позняк

Трамвай

«А мы пойдем с тобою, погуляем по трамвайным рельсам,
Посидим на трубах у начала кольцевой дороги.
Нашим теплым ветром будет чёрный дым с трубы завода,
Путеводною звездою будет желтая тарелка светофора...»
Янка Дягилева

Дверь с кривовато прилепленным листком «Трамвайное Общество Москвы. Добро пожаловать!» открылась с едва заметным скрипом. Паша проскользнул внутрь, скромно занял место где-то в последних рядах, поставил рядом тяжелую сумку с видеокассетами и огляделся. Заседание явно началось уже давно, и выступающий в данный момент Кирилл вещал, словно настоящий оратор, даже граненый стакан с водой у него имелся. Вот только говорил он то, что любой из их компании знал не только на зубок, а практически даже наизусть:

– Тогда, осенью 1891 года линии «Первого Общества конно-железных дорог в Москве» и «Второго (Бельгийского) общества» были объединены в единую сеть, заложившую основы современной трамвайной сети города. Были созданы общие тарифные зоны, пересадочные билеты для разных линий, а потом устроили и перевозку почты от вокзалов к Центральному почтамту. И вот, мы подобрались к главной дате – запуску электрического трамвая! Выбрано было примерно то же направление, что и для самой первой конки: от Страстной площади через Бутырскую заставу к Петровскому парку. Знаете, что современный № 27 идет практически по тому же пути? Да-да, пусть сильно укороченный, но это тот же самый маршрут 1899 года! Это была уже не «конка – догони

цыплёнка!»

Удивленный Паша выудил наконец-то из внутреннего кармана футляра с очками, которые он берег и на улице старался надевать пореже, боясь выронить и разбить. Когда еще новые сделают, да и стоят они... Мир вокруг сфокусировался и обрел новые подробности. Ах, вот оно что! Кирилл старался явно не для старых товарищей – те сидели с откровенно скучающим видом, временами машинально кивая головами в такт рассказу. Новенькие, две совсем юные девушки и длинноволосый паренек в модных очках – вот для кого ораторствовал их бессменный председатель! Это хорошо, ибо Общество давно уже не пополнялось, превратившись в монолитную группу самых упорных любителей трамвайного дела, и ничего интересного в нем не происходило. Если не считать того случая, который произошел весной с самим Пашей, и который расколол на какое-то время соратников на две группы с противоположными мнениями. Впрочем, поскольку доказательств у него не было, обе стороны в итоге сошлись на выводе, показавшемся ему достаточно обидным. А чем возразишь?

– Впрочем, номера трамваям присвоили только в 1908 году. А в 1911 году, когда город выкупил линии «Бельгийского общества», развитие трамвайной сети резко ускорилось. К началу Первой мировой войны было уже 38 маршрутов, плюс еще кольцевые «А», «Б» и линия парового трамвая. После Революции и разрухи Гражданской войны с 1923 го-

да начали строить новые линии в тогдашние подмосковные поселки Останкино, Ростокино, Покровское-Стрешнево. Да, тогда Москва была гораздо меньше. Но она стремительно росла, и городу был нужен транспорт, а ничего эффективнее трамвая не существовало. К 1931 году трамваи начали сцеплять в трехвагонные поезда, но и этого уже не хватало. Помните, как «до Зацепа водит мама два прицепа»? Это как раз про те времена.

Девушки недоуменно переглянулись, а парень неуверенно кивнул.

– Новый план 1927 года предусматривал постройку еще 133 километров путей, – продолжал Кирилл, не отрываясь глядя на одну из девушек, – Но одновременно с этим в 29-м начали снимать пути с центральных улиц. Ирония судьбы, но начали со Страстной площади, откуда все и начиналось. В планах было строить третье кольцо по Камер-Коллежскому валу, за которое принялись только сейчас. Нарком Путей сообщения Лазарь Каганович призывал проектировать новые трамваи, может быть даже двухэтажные. Три миллиона жителей – не шутка. Тридцатые годы – время расцвета московской трамвайной сети. Но одновременно это было и началом конца – в 35 году в Москве открылась первая линия метро. Все больше стало троллейбусов и автобусов, а трамвай постепенно стал уходить с московских улиц. Помните, у Дмитрия Кедрина?

«Даже маленькие дети

Станут седы и горбаты,
Но останется на свете
Остановка у Арбата
Где, ни разу не померкнув,
Непрестанно оживая,
Профиль юности бессмертной
Промелькнет в окне трамвая!»

– Знаю, знаю! – оживился парень, – Его коммунисты убили!

– Разве? – удивился Кирилл, сбитый с ритма неожиданной информацией, – За что?

– За то, что он диссидентом был! Как Солженицын! Я про это в «Огоньке» читал! Или в «Московском Комсомольце», что ли?

– Хм... В общем, я это к тому, что линию на Арбате закрыли как раз в числе первых. А потом и дальше начали убирать рельсы в центре города – так, например, в 57 году от городской системы оторвали целый куст маршрутов вместе с Артамоновским депо у Киевского вокзала. А потом и все переделали их на троллейбусное движение. В 65-м начали строить Савеловскую эстакаду – и наполовину отрезали соединение с северо-западной частью линий. В 71-м укоротили «Аннушку» до станции метро «Кировская». А в 73-м убрали рельсы с Большой Грузинской, отрезав северо-западную часть с Краснопресненским депо окончательно. Так что

– увы, не увидим мы больше, как карабкается трамвай в горку Рождественского бульвара или пересекает Госпитальный мост. Хотя некоторые – видят...

Кирилл иронично посмотрел на Пашу, гости обернулись тоже, но поскольку тот сидел с каменным лицом, продолжения не последовало.

А случилось с ним тогда, в тот хмурый промозглый апрельский день, действительно нечто странное. Развозя видеокассеты и диски по точкам реализации, он очутился в районе улицы Боровой и решил, что идеальным вариантом будет сесть на трамвай на Госпитальном валу и прокатиться на нем до Авиамоторной. Дойдя до остановки «Ухтомская улица» он оказался на ней почему-то совершенно один, на что в тот момент не обратил никакого внимания. Характерный звук подъезжающего вагона МТВ-82А его так даже очень обрадовал, не каждый день прокатишься на таком раритете! Не глянув на номер – а что, тут все в одну сторону едут, он погладил его темно-красный бок и вошел в раздвинувшиеся гармошкой двери с центральной перемычкой. Трамвай тронулся, набрал скорость, пульсирующе завывая и вихляясь на раздолбанном пути, а Паша занял одиночное сиденье по правому борту и застыл в блаженном оцепенении. И весьма не сразу он заметил, что пейзажи за окном, которые он видел традиционно-расплывчатыми, явно не совпадают с теми, какие должны быть по дороге. Какие-то старые

домики узкой улицы, смутно знакомой, но давно забытой. Поворот, еще поворот – и трамвай вдруг выкатился на Бауманскую улицу, к неопишуемому удивлению Паши. Когда двери открылись, он выскочил на улицу и судорожно надел очки, стараясь понять, что же это было. И ничего не понял – обычная толчея у ларьков, люди идут в метро или из него, по рельсам катятся угловатые Усть-Катавские трамваи. И только он стоит с раскрытым ртом посреди улицы. Вывод мог быть только один, и он озвучил его на следующем же заседании Трамвайного Общества:

– Ребята, на Госпитальном мосту движение восстановили, там снова трамвай ходит!

Все обрадовались, кто-то заплодировал даже. Кроме Кирилла, который подозрительно посмотрел на него и спросил, зачем тот так нехорошо шутит.

– Но я же там ехал позавчера! Трамвай повернул с Госпитальной площади направо к мосту, а потом выехал к Бауманской!

– Там такого маршрута не было никогда, – неуверенно произнес Юра, – С Госпитального вала направо 43-й поворачивал, но он потом налево уходил, к Волочаевской улице. А к Бауманской шел 50-й, но он к Госпитальной площади от Авиамоторной подъезжал. Что-то не так в твоём рассказе.

– А самое главное, что не так – это то, что никто там никаких путей не восстанавливал. Я утром мимо проезжал – как торчали из-под асфальта куски рельсов, так и торчат. Го-

нишь ты, Паша.

Потрясенный недоверием Паша кинулся было возражать, но быстро умолк, понимая с каждой фразой, как нелепо звучат его слова. А товарищи еще долго спорили, периодически призывая его подтвердить или опровергнуть тот или иной аргумент. А поскольку в злоупотреблении алкоголем или запрещенными веществами он до сих пор замечен не был, все сошлись на том, что он просто уснул и не заметил, как неизвестно откуда взявшийся ретротрамвай объехал по кругу весь район через Авиамоторную и Красноказарменную улицы, действительно переехал мост – только Лефортовский, а не Госпитальный, а там и свернул на Бауманскую. Правда, такого маршрута тоже отродясь не существовало, но кто их знает, хозяев этого раритетного вагона. В общем, как подвел итог злоязычный Кирилл: «Трамвай пришёл – да только не туда, зовут плясать – да только не меня».

Паша надулся, обиделся, и хотя поддразнивать его скоро перестали, в споры старался не лезть, чтобы ненароком не навести на эту тему. Зато он целый месяц рылся потом во всех газетах, пытаясь найти хоть что-то о восстановленном МТВ-82А, да так ничего и не нашел. И по сей день, идя вдоль трамвайных путей, оглядывался, не мелькнет ли где знакомый силуэт с изящно изогнутой над крышей дугой.

– Ну ладно, в следующий раз обсудим трамвайную историю Питера. Там все другое, вагоны другие, и вообще – ничуть не менее интересно было, – подвел итог Кирилл.

Все зашевелились. Юра вставил в замызганную «Электронику-302» кассету с любимыми песнями Общества:

«Ты утром ждешь его с нетерпением,

Ты ночью видишь трамвайные сны.

Эпоха трамвайного поколения,

Колёса стучат в ритме новой волны».

Эта песня «Биоконструктора» считалась их неформальным гимном, и Паша напевал ее иногда просто так, по случаю.

Кирилл оживленно беседовал с девушками. Незнакомый парень, оставшийся в одиночестве, подходил по очереди к образовавшимся группкам, пытаясь вступить в разговор. Рядом с Пашей плюхнулся Юра и пожал ему руку.

– Слышал, ты в Германию сваливаешь?

– Да кто это все выдумал-то? – недовольно буркнул Паша, – В Германию уезжает моя мама со своим новым мужем дядей Билли.

– А ты?

– На чёрта я им там сдался? Так и от семейного счастья ничего не останется. Я остаюсь тут, московскую квартиру караулить.

– Круто! Значит, тебе квартира остается? Можно замутить что-нибудь!

– Ну да...

Устроить вечеринку было неплохо, конечно. Но у него были совсем другие планы – предложить переехать к себе жить

Ане. В конце концов, они уже взрослые, не школьники какие-нибудь. Вот, сегодня вечером они встретятся, и он ей скажет, что...

– Паш, ты меня не слышишь, что ли?

– Слышу, слышу. Вечеринка и всё такое. Давай, побежал я. И так из графика выбился.

Подхватив свою тяжелую сумку, Паша вышел на улицу.

Паша был «дистрибьютором». Ну, как – дистрибьютором... В общем-то, просто курьером. Небольшая фирма, в которой он работал, состояла из двух человек – самого Паши и его одноклассника Костика, который и владел основными средствами производства: несколькими видеомагнитофонами и компьютером в корпусе full tower. Техника, под руководством Костика, денно и нощно штамповала копии зарубежных блокбастеров, а Паша, как неутомимый муравей, развозил результаты их трудов по киоскам с видеопродукцией восточной части города. Все началось в один самый обычный день, когда Костик, запихивая кассету в видак, привезенный некогда отцом из загранкомандировки, задумчиво произнес:

– Паша, а почему кто-то другой штампует эти кассеты, даже не задумываясь об их качестве? Почему не мы? Что мешает нам заняться этим бизнесом?

Получилось не сразу, но взяв напрокат у одноклассника второй видак (Типа, Терминатора переписать...), они запи-

сали первые несколько кассет. Потом прослышавший об их деле одноклассник стал требовать деньги «за аренду техники», но они уже смогли поднатужиться и купить еще один видеомэгнитофон. А там уже стало проще, тем более, что следивший за прогрессом Костик вовремя заинтересовался набиравшим силу форматом CD, а с недавних пор и совсем крутым DVD. Теперь все это уже крутилось в негласно арендованной полуподвальной комнатке, с которой начинался и заканчивался Пашин день. А Костик сидел там почти безвылазно, отлучаясь лишь за новыми фильмами.

Вот и сейчас Паша перебежал треугольник трамвайных путей Семеновской площади, приближаясь к очередному островку торговых палаток. Нужная ему находилась посередине, отличаясь некоторой вольностью обращения с русским языком в названиях товара. Кто там сегодня, Ашот или Карен? Ашот, вон его круглая голова с улыбкой до ушей из двери выглядывает.

– А, Паша – джан! Порнушку привез? Ха-ха-ха...

Эта фраза, которой он приветствовал Пашу всякий раз, не надоедала ему никогда. А может быть, он другой просто придумать не мог.

– На, принимай! – пожав плотную волосатую руку, Паша вытащил из сумки полагающуюся на эту точку стопку кассет и дисков.

– Щто привез? Хм... «Том и Джерри – Коматозники». Вах... «Адская дыра»... А, все-таки порнушка, да?

Ашот расхохотался, а потом, взяв Пашу за локоть, отвел его чуть в сторону.

– Слушай, тут про тебя люди спрашивали... Очень опасные люди... У тебя с «крышей» все хорошо, да?

Акцент из его речи вдруг полностью исчез.

– Все нормально, не течёт.

Паша постарался высвободиться из зажима и чуть отступил в сторону.

– Ну, я тебе сказал. Будь осторожен, да?

Ашот отсчитал ему деньги, ушел обратно в киоск, и его лицо приняло снова беззаботно-улыбчивое выражение.

«Да что за напасть такая, все же нормально было...»

На тот момент он еще не знал, насколько часто ему придется повторять эту фразу в ближайшие дни.

Аня, такая красивая, такая стройная в этом черно-красном плаще. При встречах с нею Паша никогда не снимал очки, любуясь ею, стараясь сохранить до следующего свидания малейшие черточки ее образа. Они учились вместе с первого класса, сперва дружили, а потом пришло первое настоящее чувство. Порой Паше казалось, что по какому-то удивительному везению ему посчастливилось найти ту свою единственную, которая понимает его с полуслова, которая живет тем же, что и он.

Они сидели на скамейке в парке Прямикова, а вокруг тихо шелестела листва старых тополей.

– Нам надо на какое-то время расстаться и все обдумать. – Аня аккуратно высвободила свою узкую ладонь из его пальцев.

– Что??? – Паше показалось, что на него рухнуло небо, – Почему?

– Потому, что наши отношения зашли в тупик.

Девушка пожала плечами и вздохнула, глядя куда-то вдаль.

– Но я же тебя люблю?

– Ты совершенно меня не слышишь. И не хочешь ни о чем думать. Мы с тобой уже взрослые, Паша. А что у тебя есть? Видеокассеты? Или трамваи твои, о которых ты готов говорить бесконечно? Этого мало, Паша. Ты ведь даже в институт поступить не смог. Какое у тебя будущее?

Ну, это было уже просто нечестно! К поступлению в МИИТ он готовился, и еще как! Кто же виноват, что от волнения он выронил очки, и они переломились пополам? Он был точно уверен, прижимая их остатки к лицу, что прочитал задачу правильно. Оказалось, что нет...

– Ну, и о чем ты сейчас думаешь? Впрочем, не отвечай, а то наговорим друг другу лишнего.

Она прикрыла ему теплой ладонью рот, и вдруг поцеловала его в щеку. А потом встала со скамейки.

– Ты хороший. Паша, и у тебя всё ещё получится. Прощай.

– Но ты... Не уходи! Или... Возвращайся, если сможешь...

Паша вскочил, с мольбой глядя на девушку.

– «Я трамвай последний буду ждать»? Эх, Паша-Паша...

Аня кивнула каким-то своим мыслям и, не оборачиваясь, ушла.

Паша стоял, беззвучно открывая и закрывая рот, совершенно растерянный. Потом махнул рукой, и пошел прочь. Сделав несколько шагов, он вспомнил про сумку и вернулся за ней. Посмотрел еще раз на опустевшую скамейку и содрогнулся от нахлынувшего чувства утраты. Еще ни разу в жизни женщина не предлагала ему «расстаться на некоторое время», но уже понимал, что на самом деле это означает «навсегда».

Окошко в полуподвале светилось уютным огоньком в ночи, следовательно, Костик все еще был на месте. Паша спустился по старым истертым ступеням и постучал в обитую жестью коричневую дверь.

– Кто там? А, это ты...

Костик выглядел как-то не очень. Молча, он взял у Паши сумку, заглянул внутрь и отставил в сторону. Паша сунул ему листок, где были записаны заказы из киосков. Костик покивал, читая список и пошел вдоль стеллажа, выуживая мастер-кассеты.

– Как дела? – спросил он, наконец.

– Как обычно. Ашот на порнушку намекает.

– Да пошел он... – с порнографией осторожный Костик

связываться не хотел принципиально, – А мрачный ты такой почему?

– Анька от меня ушла.

– Понятно. В смысле – не расстраивайся, девок много.

«А Анька – одна», – хотел было сказать Паша, но вместо этого спросил:

– А у тебя тут что случилось?

– Да... «Черные» опять приезжали. Спрашивали, на кого работаю.

– Ты Алёше сказал?

Алёшей звали крышевавшего их рэкетира. Причем, это было прозвище, а звали его чуть ли не Геннадием. Костик как-то называл имя, но Паша уверен не был.

– С ним, знаешь ли, как с Сатаной договариваться. Вроде и выполнит всё, о чем просили, только станет почему-то гораздо хуже, чем было. Да скажу я ему, скажу. Иди, отдыхай. А я запишу всё, что заказали, и тоже пойду.

– Ага...

Вышедший на улицу Паша с омерзением оглядел окружающий пейзаж, полностью соответствующий его настроению и отправился домой. Мутное небо с какими-то кляксами на нем, грязный тротуар, с которого бомж собирает пустые бутылки, равнодушные окна домов. Старая грязная машина, в которой сидит какой-то утырок и слушает свой шансон...

«Пустые споры, слов туман,

Дворцы и норы, свет и тьма,
И облегченье лишь в одном —
Стоять до смерти на своем,
Ненужный хлам с души стряхнуть,
И старый страх прогнать из глаз.
Из темноты на свет шагнуть.
Как в первый раз».

Паша так удивился, что даже достал очки, чтобы рассмотреть водителя. А тот уже открыл дверь и вылез на улицу.

– Привет. Тебя вроде Павлом зовут? Я не путаю?

– Привет. – Паша кивнул собеседнику, – Не путаешь.

Стоявший перед ним парень учился на пару классов старше и был смутно знаком. Как же его звали? Филя? Филиппок?

– Фил. Зови меня Фил. – Парень чуть заметно усмехнулся.

– Не ожидал услышать «Воскресение», – объяснил свой интерес Паша, – Да и тебя что-то давно не видел.

– В армии был, только весной дембельнулся. А ты? А, ну да... – он обратил внимание на Пашины очки.

– Ага. Астигматизм, без них только общие очертания вижу. Ну, и как там в армии?

– Армейка как армейка, что там может быть такого особенного? Служил, как все, в автобате грузовик водил.

– А сейчас на легковую перешел? – Паша кивнул на старую «четверку», цвет которой при свете фонарей определить

было нереально.

– Да, купил убитую. Движок перебрал, ездит пока. Вожу на ней мороженое с хладокомбината мелким оптом.

– А я – видео по киоскам развожу. Можно сказать, розницей.

– Точно, мне же про тебя Шурик рассказывал. Но он ещё вроде говорил, что ты в Германию то ли уже уехал, то ли собираешься уезжать.

– Вот же Шурик трепло... Не еду я никуда. Тут остаюсь.

– Ну, извини, если не так сказал.

– Да ладно... Мать вышла замуж за немца, вместе с ним и уезжает. А я этому Билли там – зачем?

– Теперь понял. Не понял только, почему Билли, а не Вилли, если он немец.

– Потому, что он Бюлент Йылмаз. Немецкий гражданин турецкого происхождения.

– Не любите вы друг друга, как я вижу! – усмехнулся Фил.

– А с чего любить-то? Я же не «прекрасная Лейла».

– Твою маму разве Лейла зовут?

– Мою маму зовут Ольга Петровна. Но теперь она Лейла.

– Вот оно, как бывает...

– Ага. А я – Паша когда он в настроении и «кляйне Шланге», когда нет, то есть – змееныш. В основном – второе. Извини, Фил. День тяжелый был. Пойду я уже.

– Да все нормально, увидимся.

Паша отправился к своему дому. А Фил запер дверь «четверки» и задумался. Не просто так прошла для Фила армия, оставила один след. И был это внутренний голос, который неожиданно появлялся в ключевые моменты жизни и производил одну-две фразы, но всегда в точку. Фил называл его Сержантом за определенное сходство с реальным человеком и никогда никому о нем не рассказывал. Но что означали слова «этот парень в опасности, присмотри за ним», так и осталось непонятным.

Утро. Паша потянулся в своей кровати, протер глаза и привычным жестом нащупал на тумбочке свои очки. В общем-то, по квартире, где он прожил всю жизнь, можно было передвигаться хоть с закрытыми глазами, настолько все было привычно и на своих местах, но наличие дяди Билли все же вносило свои коррективы.

Толкнувшись сперва в туалет (блин, занято), он умылся, почистил зубы, затем посмотрел на свою слабо пробивающуюся щетину. А, ладно, каждый день бриться – эстетизм, а все эстеты – сами знаете, кто. Вышел на кухню и брякнулся на табуретку, глядя на суетящуюся у плиты мать. Скоро они расстанутся, и очень надолго...

– Сынок, ты не забыл, что мы сегодня уезжаем?

Сегодня? Как – сегодня? Он был уверен, что до отъезда еще несколько дней! Какое сегодня число? Он что – перепутал?

– Дяде Билли оформили на работе выезд на сегодня, пришлось даже билеты менять, – продолжала мама, – Мы вчера тебе говорить не стали, ты выглядел таким уставшим.

Что? Но почему? Это настолько неважно, что ему и знать не надо?

Паша ошеломленно рассматривал предложенную ему

яичницу с кусочками обжаренного хлеба.

Они ведь даже с мамой так ни о чем и не поговорили! День – ночь, туда – сюда, то работа, то еще что-то, вот и всё...

– Мама, я...

– Лейла, ты гиде? – донесся из глубин квартиры недовольный голос.

– Иду, иду! Ты ведь придешь на вокзал проводить нас, сынок?

Мама мимоходом взъерошила ему волосы и выбежала из комнаты.

Паша вздохнул, через силу проглотил последний кусок яичницы, запил чаем, который почему-то не лез ему в горло. Потом оделся, молча протиснулся мимо раскорячившегося с чемоданом на весь коридор дяди Билли, подхватил свою сумку и вышел из квартиры.

На улице ветерок разгонял по небу редкие дождевые облака, но выглядело все как-то хмуро и уныло. А может быть, это просто так казалось одному Паше, а для других было все нормально. Навстречу попадались какие-то знакомые и полужнакомые люди, кто-то приветственно махал ему рукой.

В соседнем дворе возле своей «четверки» с раскрытым капотом стоял Фил и прислушивался к звуку мотора. В машине играло радио, передавали, судя по всему, смелую авторскую трактовку «Волшебника Изумрудного города»:

«Ветры злые налетели,

Да с Техасской стороны,
И умчали нашу Элли,
Лишь мелькнули хагены!»

– И тут им навстречу – мурмырдокская хрюря! – пробормотал Паша, вспомнив предыдущее творение авторов развселой радиостанции.

– О, Пашка! Вот ты где! А я тебе вчера звонил-звонил, какой-то мужик все время говорил, что тебя нет. Это тот самый немец, что ли?

«Вот уж точно – хрюря, – Паша без особой радости посмотрел на своего бывшего одноклассника Владика, – Сейчас опять своей эзотерикой грузить начнет...»

Всего какой-то год назад не помышляющий ни о чем таком Владик наткнулся на книжном лотке, где он искал какой-нибудь детектив или фантастику, на увесистую книжку, посвященную тайным духовным практикам. Сперва он листал ее без особого интереса, но автор с такой уверенностью рассуждал о всяких чудесах типа телепатии и даже левитации, что Владик не устоял. Прочитав же книжку от корки до корки, он был просто потрясен открывающимися перед ним возможностями, которыми он лишь по своему невежеству не может воспользоваться прямо сейчас. Понятно, что ни читать чужие мысли, ни двигать предметы руками у него не получалось даже самую чуточку. Наверное, автор утаил что-то важное, не пожелал делиться с неизвестным читателем за

просто так. Но есть же другие книги, есть же настоящие учителя, способные провести вставшего на этот путь ученика к вершинам тайных знаний! Нужно только их найти!

Тщетно Паша с Шуриком пытались уговорить его вернуться к более мирским занятиям. Владик был непоколебим.

– У меня такие новости, ты не поверишь! Я нашел!

– Что, очередные знания, утерянные человечеством? – Паша кивнул на зажатый у Владика под мышкой фолиант с какими-то то ли рунами, то ли иероглифами на обложке.

– Это про внутреннюю энергетику человека! – не смутился Владик, – А знаешь, откуда она у меня? Мне ее дал учитель! Самый настоящий гуру!

– Гуру? Где ты его нашел?

– О, это секрет, известный лишь посвященным! Ха-ха-ха, шучу! На самом деле, это он меня нашел. Представляешь, прямо так подошел ко мне и предложил стать его учеником!

– Ничего себе! А как он понял, что ты на всякой мути повернутый?

– Сам видишь! – Владик даже не обиделся на «муть». И заодно не уточнил, что произошло это возле очередного лотка с эзотерической литературой, вокруг которого он крутился к тому времени уже минут пятнадцать.

– Можно взглянуть? – подошедший к ним Фил протянул руку к книге.

Владик нерешительно посмотрел на него, но книгу все-таки дал.

– Пять полых органов, три нагревателя, ну-ну... Чакры крутятся, деньги мутятся...

– Да что ты понимаешь! – обиделся Владик, – Вот так открыл – и сразу говно? Не понял ничего, и сразу обосрал!

– Некоторые люди считают, что чем непонятнее написана книга, тем она умнее.

– Это кто такое сказал? – заинтересовался Паша.

– Некий Шикльгруббер. Ладно, мне ехать уже пора.

Отдав книгу возмущенному Владиду, Фил пошел к машине.

– Не знаю такого! – буркнул ему вслед Владик, – И вообще...

– Ну ладно, я тебя поздравляю, так что...

– Паш, погоди! Я же что тебе сказать хотел, мы вечером встречаемся с моим гуру, он будет лечить человека от энергетического пробоя и меня с собой возьмет! Поедешь за компанию? Он не против. Я и Шурика звал, да тот лишь ржет, как конь.

– Гм... А во сколько это будет?

– В семь у «Звездочки» на троллейбусной остановке, идет?

– Да пожалуй. Ладно, приду.

– Отлично!

Владик с жаром потряс ему руку и умчался. А Паша со своей неизменной сумкой пошел к подвалу, где Костик уже должен был подготовить заказанные фильмы. Какими бы

тайными не были знания, работу никто не отменял.

Белорусский вокзал. Толчея машин на площади, стоянки с мутными личностями, собирающими деньги с водителей. В стороне от киосков с пивом сомнительного происхождения и не менее подозрительными закусками слышались бодрые голоса наперсточников, гонявших шарик перед наивными приезжими из глубинки.

Паша вошел на территорию вокзала через боковую арку и без труда разыскал перрон, с которого отходил в скором времени берлинский поезд. Мама стояла у вагона и обрадовалась, увидев его.

– Мама!

Он подошел к ней и остановился, словно пытаясь запечатлеть в своей памяти ее невысокую фигурку. Сейчас, хотя бы сейчас надо успеть сказать так много...

– Лёлочка! Ты же не можешь уехать, не попрощавшись со мной!

Паша недовольно обернулся: по перрону спешила, заранее раскинув руки для объятий, мамина подруга, театральный критик Аделаида Латринская. Женщины взялись за руки и заговорили обе одновременно. Невольно шагнувший в сторону Паша тоскливо глянул на вокзальные часы – поезд должен был отойти вот-вот. В окне уже несколько раз появлялось недовольное лицо дяди Билли и снова исчезало в вагонном полумраке. А они все говорили и говорили, обсуждая

каких-то подруг, знакомых, полужнакомых и вообще неизвестно каких людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.